DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.08
УДК 339

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ, КНР И ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

КУДЕЛЯ Лариса Владимировна
кандидат экономических наук, доцент,
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
E-mail: vip.larisa545@mail.ru
SPIN-код: 2485-8211
ORCID: 0000-0001-7044-131X

Для цитирования: *Куделя Л.В.* Современное состояние политико-экономического развития отношений между Россией, КНР и государствами Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 2 (14). – С. 110–119. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.08.

Аннотация. В статье представлен материал относительно современного состояния политического и экономического развития отношений между Россией, КНР и государствами Центральной Азии. Автором проанализирована китайская инициатива «Пояс и путь», которая имеет огромное значение для экономики всего государства данной страны. Для КНР данная инициатива играет очень важную роль, а именно: 1) стимулирует региональное развитие государства; 2) формирует производственные цепочки поставки товарооборота продукции; 3) реализует стратегию «двойной циркуляции»; 4) имеет значение в качестве инфраструктурного развития; 5) стимулирует торговлю и логистику товаропотоков данного государства. В научной публикации рассматривается доминирующее положение КНР в «зеленой» цепочке создания стоимости продукции, в частности таких как: переработка редкоземельных металлов и производство оборудования. Основным видом торговли в КНР является трансграничная электронная коммерция и цифровая торговля. В статье сделан акцент на то, что сегодня КНР ведет активное сотрудничество с зарубежными странами, включая такие страны, как Россия, США, ЕС и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), что положительно влияет на экономику данного государства. В качестве рекомендаций автором предлагаются мероприятия улучшения производства Китая «зеленого перехода» через диверсифицирование источников сырья, снижая зависимость от внутренних месторождений и импорта из других регионов (зарубежных стран).

Ключевые слова: технологический прорыв, экономическое взаимодействие России и КНР, Евразийский экономический союз, зарубежные страны региона, санкционное давление, транзитные коридоры.

Current State of Political and Economic Development Between Russia, China and Central Asian States

Larisa V. KUDELYA
PhD in Economics, Associate Professor, Vladimir Dahl Luhansk State University
E-mail: vip.larisa545@mail.ru
SPIN-code: 2485-8211
ORCID: 0000-0001-7044-131X

For citation: Kudelya L.V. (2026). Current State of Political and Economic Development Between Russia, China and Central Asian States. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (14), pp. 110–119. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.08.

Abstract. This article presents material on the current state of political and economic development between Russia, China, and the Central Asian states. The author analyzes the significance of the Chinese government's Belt and Road Initiative, which is of paramount importance for the economy of the entire country. For China, this initiative plays a key role: 1) it stimulates regional development; 2) it forms production supply chains for product circulation; 3) it implements a "dual circulation" strategy; 4) it is significant for infrastructure development; 5) it stimulates trade and logistics for the country's trade flows. This scientific publication examines China's dominant position in the "green" value chain, in rare earth metal processing and equipment manufacturing. The main types of trade in China are cross-border e-commerce and digital commerce. The article emphasizes China's active cooperation with foreign countries, including Russia, the United States, the EU, and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), which has a positive impact on the country's economy. The author proposes measures to improve China's "green transition" by diversifying its raw material sources, reducing dependence on domestic deposits and imports from other regions (foreign countries).

Keywords: technological breakthrough, economic interaction between Russia and China, Eurasian Economic Union, foreign countries of the region, sanctions pressure, transit corridors.

На современном этапе развития отношения России и Китая в Центральной Азии характеризуются усилением конкуренции за влияние при одновременном стратегическом партнерстве в рамках антизападной повестки. Экономическое присутствие Китая в регионе становится доминирующим благодаря масштабным инвестициям в инициативе «пояс и путь», развитию транспортных коридоров и созданию производственных цепочек. Россия сохраняет ключевые позиции в сфере безопасности через ОДКБ (организацию договора о коллективной безопасности) и военные базы, а также укрепляет энергетическое сотрудничество, включая согла-

шение о строительстве газопровода «Сила Сибири-2». Зарубежные страны Центральной Азии проводят многовекторную политику, диверсифицируя риски и выстраивая отношения со всеми внешними зарубежными странами как инвестиционный портфель. В 2025 г. прошли важные региональные саммиты с участием Китая, России, ЕС, США и Японии, что подтверждает превращение региона КНР в самостоятельную геостратегическую платформу[1].

В научно-образовательной сфере развиваются совместные университетские кампусы, исследовательские центры в области искусственного интеллекта и биотехнологий, а также академические обмены. Китай активно продвигает образовательные гранты и институты Конфуция.

Особое значение приобретает сотрудничество в области зеленой энергетики и редкоземельных элементов, где Китай лидирует по технологиям, а Центральная Азия выступает поставщиком сырья. Санкционное давление на Россию трансформировало экономические связи, превратив зарубежные страны региона КНР в важные транзитные коридоры для реэкспорта товаров. При этом Россия остается основным поставщиком безопасности и рынком труда для мигрантов, что создает сложную систему взаимозависимостей. Водные и климатические проекты, включая управление трансграничными реками, становятся новым приоритетом сотрудничества наряду с традиционной энергетикой. Финансовое партнерство развивается через расчеты в национальных валютах и создание Банка развития ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), укрепляя экономический суверенитет участников[2].

На современном этапе экономическое взаимодействие России и Китая в Центральной Азии представляет собой сложную систему конкурирующих и взаимодополняющих проектов, где торговля достигла рекордных показателей, а логистика становится ареной геоэкономического соперничества. Товарооборот Китая с пятью странами Центральной Азии в 2025 г. впервые превысил 100 млрд долл., что подтверждает доминирование Пекина в региональной торговле.

Ключевым драйвером этого экономического роста выступает инициатива «Пояс и путь», превратившая регион из периферии в транзитный узел: объемы контейнерных перевозок по маршрутам Китай – Европа выросли почти в 2 раза, а время доставки сократилось до 12–18 дней[3].

Центральным инфраструктурным проектом двустороннего формата является газопровод «Сила Сибири-2», по которому «Газпром» и китай-

---

[1] Гарбузарова Е.Г. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24, Вып. 24. – С. 52–65. – DOI: 10.37178/ca-c.21.4.05.

[2] Ельникова Ю.В. Российско-китайские отношения: достижения, проблемы и перспективы // Национальная безопасность. – 2025. – № 2. – С. 69–79.

[3] Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2020. – № 3. – С. 235–241.

ская CNPC подписали обязывающий меморандум о строительстве мощностью 50 млрд м^3 в год через Монголию, хотя ключевые коммерческие параметры еще предстоит согласовать.

В многостороннем формате ключевым логистическим проектом выступает железная дорога «Китай – Киргизия – Узбекистан», которая сократит расстояние товарно-транспортных перевозок между Китаем и Европой на 800–900 км, открыв для Киргизии выход к тихоокеанским портам.

Казахстан становится центральным звеном семи направлений стратегического партнерства с Китаем, включая инфраструктурные инвестиции нового поколения в логистические хабы Хоргоса и интеграцию цифровых платформ для усиления транзитного потенциала. Россия, в свою очередь, развивает альтернативные маршруты: Махачкалинский морской порт планирует в 2026 г. перенаправить китайские грузы на транскаспийский маршрут в рамках коридора «Север – Юг», уже сократив стоимость перевозок по линии Мумбаи – Махачкала вдвое[4].

Важным технологическим прорывом становится запуск беспилотных грузовых перевозок через мост Благовещенск – Хэйхэ в этом году, что создает прецедент для автономной логистики на российско-китайской границе. Параллельно Китай развивает водную логистику: открытие канала Пинлу к концу 2026 г. даст российским товарам прямой выход к заливу Бейбу и далее на рынки АСЕАН (региональной межправительственной организации государств Юго-Восточной Азии), что особенно важно после падения двустороннего товарооборота на 6,9% в 2025 г. В энергетическом секторе газопровод «Центральная Азия – Китай» протяженностью 1,8 тыс. км обеспечивает стабильные поставки газа в КНР, давая странам региона валютные поступления. Однако позиции России в энергетике региона ослабевают: проект ЕАЭС по созданию общего энергорынка отложен как минимум до 2027 г. из-за санкций и технологического отставания, тогда как альтернативный проект Всемирного банка REMIT с бюджетом 1 млрд долл. к 2050 г. принесет региону 15 млрд долл. выгоды[5].

Формируется сеть пересекающихся маршрутов вместо монополии одного коридора: через КПП Хоргос в 2025 г. экспортировано 450 тыс. автомобилей, а через КПП Карасу впервые превышен рубеж в 20 тыс. ед. автотранспорта. Россия поддерживает приоритеты председательства Китая в АТЭС в 2026 г., сделав ставку на синергию ЕАЭС и АТЭС в рамках Большого евразийского партнерства и развитие цифровой связанности. Таким образом, текущая оценка проектов показывает формирование мно-

[4] Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – № 25 – С. 305–320. – DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018.

[5] Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Международные отношения КНР. – 2023. – С. 88–99.

говекторной логистической архитектуры: Китай инвестирует в сухопутные коридоры через Казахстан и Киргизию, Россия развивает каспийское направление и Северный маршрут, а страны региона, подобно Казахстану, прагматично используют конкуренцию государств для превращения в «точку сборки» евразийского партнерства, а не буферную зону[6].

На современном этапе экономическое взаимодействие России и Китая в Центральной Азии формирует сложную многоуровневую архитектуру, где торговые потоки переориентируются, а логистические проекты становятся основным полем конкуренции и кооперации одновременно. Товарооборот Китая с регионом демонстрирует устойчивый экономический рост благодаря запуску новых железнодорожных маршрутов: в январе 2026 г. из Тяньцзиня в Баку отправился первый поезд по Транскаспийскому международному транспортному маршруту, что сократило время доставки до 20 суток и создало стабильный торговый канал связи Китая с Азербайджаном и Казахстаном. Развитие этого трансграничного коридора усиливается запуском маршрута Наньчан-Баку в январе 2026 г. через КПП Хоргос, который позволил сократить сроки транспортировки товаров с 50 до 18 дней, сокративший время доставки до 20 суток, а также снизить логистические затраты экспортеров на 15–20%[7].

Россия, в свою очередь, активно развивает альтернативные маршруты в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг». Махачкалинский морской порт планировал в 2026 г. перенаправить китайские грузы на Транскаспийский маршрут, уже сократив стоимость перевозок по линии Мумбаи – Махачкала вдвое. Запуск полноценных торговых перевозок по направлениям Россия – Иран – Индия и Россия – Иран – Китай запланированы были на конец 2026 г., что предполагает создание совместного морского консорциума с Ираном.

Важным многосторонним проектом выступает строительство транспортно-логистического хаба на базе ТЛЦ «Селятино» в Подмосковье, который станет трехсторонним проектом России, Казахстана и Китая с объемом инвестиций 14 млрд руб. и созданием более 1,5 тыс. рабочих мест, что позволит увеличить экспорт Подмосковья в Китай в три раза. Промышленная кооперация углубляется через создание российской промышленной зоны в Душанбе, строительство которой стартовало в 2026 г. для размещения предприятий химической промышленности, машиностроения и легкой промышленности. В энергетическом секторе формируются новые форматы взаимодействия: «РусГидро» привлекает китай-

[6] Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – № 27. – С. 268–283. – DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014.

[7] Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 52–66. – DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66.

ских партнеров (Powerchina, China Energy Engineering) для совместного строительства гидроэлектростанций в зарубежных странах, включая проект ГАЭС в Узбекистане. Межрегиональное сотрудничество активно развивается через выставку «ИННОПРОМ. Центральная Азия», где 247 российских экспонентов и компании из Китая подписали 45 соглашений о промышленной кооперации.

Оценка существующих проектов показывает формирование сети пересекающихся маршрутов вместо монополии одного коридора: Китай инвестирует в Транскаспийский маршрут через Казахстан, Россия развивает каспийское направление и коридор «Север – Юг», а зарубежные страны региона, подобно Казахстану, прагматично используют конкуренцию государств для превращения в ключевые транзитные узлы евразийской торговли.

Китай демонстрирует впечатляющие результаты в регионе. По итогам 2025 г. товарооборот между КНР и странами Центральной Азии впервые превысил 100 млрд долл. США, достигнув 106,3 млрд долл. с ростом 12% в годовом исчислении. Китай стал крупнейшим торговым партнером всех без исключения государств региона. Экспорт Китая в пять центральноазиатских республик составил 71,2 млрд долл. (экономический рост 11%), при этом драйверами выступили электромеханическая и высокотехнологичная продукция, включая так называемую «новую тройку» – автомобили на новых источниках энергии, литиевые аккумуляторы и фотоэлектрические панели. Импорт из региона достиг 35,1 млрд долл. (рост 14%), где по-прежнему доминируют энергоресурсы и минеральное сырье, но растет доля химической продукции и сельскохозяйственных товаров[8].

Россия, несмотря на санкционное давление, сохраняет позиции ключевого торгово-экономического партнера КНР. Президент Владимир Путин на втором саммите «Россия – Центральная Азия» (октябрь 2025 г.) подтвердил намерение углублять взаимовыгодные экономические связи. Однако динамика российского присутствия сдерживается логистическими проблемами и ужесточением таможенного контроля[9]. Трансграничная электронная коммерция и цифровая торговля рассматриваются как новые виды сбыта продукции, поддерживающие устойчивость внешней торговли КНР, и становятся важными инструментами для экспорта брендов, стандартов и моделей обслуживания производства.

Объем накопленных прямых инвестиций Китая в Центральной Азии повысился с 19,6 млрд долл. в 2016 г. до 35,9 млрд к середине 2025 г. Около 90% вложений сосредоточены в трех странах: 1) Казахстан (32%,

[8] Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Международные отношения КНР. – 2023. – С. 88–99.

[9] Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – № 6. – С. 112–123. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

11,4 млрд.) – крупнейший получатель; 2) Узбекистан (30%, 10,7 млрд) – рост в 35 раз с 2016 г.; 3) Туркменистан (27%, 8,4 млрд) – рост в 26 раз с 2016 г.[10] Структура инвестиций трансформируется: хотя 46% по-прежнему приходится на сырьевой сектор, доля обрабатывающей промышленности и энергетики уже превышает в треть. Китайские вложения привлекательны для региона простотой механизмов и отсутствием дополнительных политических условий, характерных для западных инвестиций.

Российские инвестиции сталкиваются с разного рода проблемами и вызовами. В энергетике ЕАЭС продвигал идею общего энергетического центра, но из-за штрафных санкций и отсутствия современных технологий старт работ, запланированный на 2025 г., отложен минимум до 2027 г.

Формируется многовекторная логистическая архитектура. Одновременно Россия ужесточает контроль на границе с Казахстаном: с февраля 2026 г. ввелся постоянный таможенный контроль, запущена система подтверждения ожидания поставок (СПОТ), которая применяла электронные навигационные пломбы. Это приводит к пробкам (до 15 тыс. фур осенью 2025 г.) и трениям внутри ЕАЭС. Россия развивает альтернативный коридор «Север – Юг», планируя в середине 2026 г. запуск полноценных перевозок по направлениям Россия – Иран.

Создана разветвленная институциональная сеть. Механизм «Китай – Центральная Азия» после первого саммита 2023 г. сформировал 13 платформ сотрудничества на уровне министерств и постоянный секретариат, поэтому 2025–2026 гг. объявлены: «годами сотрудничества в области высококачественного развития»[11].

В городе Нанкине в Китае запущена платформа сотрудничества для беспрепятственной торговли площадью 23 тыс. кв. м с государственными павильонами стран Центральной Азии. Она привлекла 34 государственных учреждения, помогла 600 китайским предприятиям, а объем предварительных заказов достиг сотен млн долл. Платформа «электронной коммерции Шелкового пути» «soho cloud» объединила более 550 компаний Иран – Индия и Россия – Иран – Китай.

Казахстан становится цифровым хабом региона. В конце 2026 г. в Астане откроется крупнейший в Центральной Азии дата-центр Akashi Data Center (проект казахстанско-китайского сотрудничества с China Mobile) с 4200 серверными стойками и сертификацией Tier IV, что удвоит вычислительные мощности региона и создаст до 10 тыс. рабочих мест. Одновременно Freedom Holding строит дата-центр Freedom Cloud для альтернативного транзитного канала между Европой и Китаем.

---

[10] Ельникова Ю.В. Российско-китайские отношения: достижения, проблемы и перспективы // Национальная безопасность. – 2025. – № 2. – С. 69–79.

[11] Парамонов В.В. Взаимоотношения государств Центральной Азии с Россией и Китаем: от теории к практике: монография. – Ташкент, 2023. – 280 с.

Трансграничная электронная коммерция и платежи стали неотъемлемой частью повседневной жизни КНР, обогатив потребительскую корзину населения. В энергетике разворачивается *конкуренция двух подходов*. Россия через ЕАЭС продвигала создание общего энергетического центра, но проект заморожен до 2027 г. из-за санкций и технологического отставания.

Альтернативой выступает инициированный Всемирным банком проект REMIT (Regional Energy Market Integration). Данная программа рассчитана на 10 лет, предусматривает интеграцию гидроэнергетических мощностей Киргизии и Таджикистана с тепловой генерацией Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и возобновляемыми источниками энергии. Общая стоимость превышает 1 млрд долл. (143 млн долл. уже профинансировано), а совокупный экономический эффект к 2050 г. может достичь 15 млрд долл.[12]

Китайские инвестиции несут потенциальные риски: частичный контроль над секторами экономики, возможность экономического и политического давления, а также долговая кредитная денежная зависимость. В Киргизии обсуждалась возможность передачи объектов в управление Китаю в счет погашения финансового долга. В Узбекистане в 2025 г. зафиксированы антикитайские настроения в соцсетях из-за роста числа компаний с китайским капиталом (с 700 в 2016 г. до 5 тыс. в 2025 г.), что создает конкуренцию местному бизнесу[13].

Для России вызовом становится балансирование между интеграционными обязательствами в ЕАЭС и защитой внутреннего рынка. Ужесточение таможенного контроля, хотя и направлено на «озеленение» экономики, создает трения с партнерами по союзу. Китай и страны Центральной Азии находятся на ключевом этапе развития, являясь «партнерами и единомышленниками на пути модернизации» производства. Взаимодействие в сферах зеленой энергетики, цифровой экономики, современных производств будет углубляться через инициативы «Мастерские Лу Баня» и совместную подготовку кадров[14].

Россия сохраняет потенциал благодаря историческим связям и роли в ЕАЭС, но для усиления позиций требуется преодоление технологического отставания и гармонизация регуляторных подходов с партнерами. Регион превращается из «буферной зоны» в самостоятельную геостратегическую платформу, прагматично использующую конкуренцию государств для максимизации выгод.

---

[12] Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Международные отношения КНР. – 2023. – С. 88–99.

[13] Парамонов В.В. Взаимоотношения государств Центральной Азии с Россией и Китаем: от теории к практике: монография. – Ташкент, 2023. – 280 с.

[14] Рожкова З.П. Интересы РФ в Средней Азии // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 6. – С. 618–626.

Сейчас инициатива правительства «пояс и путь» вступает в фазу «высококачественной взаимосвязанности». Это подразумевает не только строительство физической инфраструктуры, но и гармонизацию регулирования, развитие цифровых проектов (например, «электронное окно» для грузов) и совместную работу на новых рынках, включая энергетический. Эксперты отмечают, что дальнейшее успешное развитие сотрудничества зависит от параллельного прогресса в трех ключевых блоках: инфраструктура, регуляторика и финансы[15].

* * *

Таким образом, экономическое значение «Пояса и пути» эволюционирует от простого наращивания инвестиций к созданию сложной, многоуровневой системы партнерств, нацеленной на устойчивое и качественное развитие всех участников. Несмотря на оптимистичные прогнозы, внешняя торговля Китая в конце 2026 г. столкнется со значительными внешними вызовами, такими как:

1) замедление роста мировой торговли: ОЭСР прогнозирует, что рост мировой торговли может замедлиться до 2,3% в конце 2026 г. по сравнению с примерно 4,2% в 2025 г.[16];

2) усиление торговых барьеров: увеличение числа глобальных торговых ограничений, таких как официально внедренный в ЕС механизм корректировки углеродных границ (CBAM) и тарифы, введенные некоторыми странами на определенные высокотехнологичные товары, может увеличить экспортные издержки.

В целом ожидается, что внешняя торговля Китая в 2026 г. будет успешно преодолевать сложную международную обстановку, сохраняя экономическую устойчивость. Благодаря диверсификации рынков и модернизации промышленности Китай, как ожидается, сможет справиться с внешними вызовами. Хотя рост экспорта может быть несколько ниже впечатляющих показателей 2025 г., прогнозируется, что он все же превзойдет среднемировой показатель доли экспорта.

Экономика КНР в 2026 г. балансирует между необходимостью решения глубоких внутренних проблем (кризис недвижимости, долги регионов, слабый спрос) и противодействием мощному внешнему давлению со стороны зарубежных государств. Государственные власти делают ставку на умеренно мягкую денежно-кредитную и активную фискальную политику, а также на долгосрочные структурные реформы для стимулирования

[15] Сафронова Е.И. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII: ежегодное издание. – Москва: ИКСА РАН, 2022. – 384 с.

[16] Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – № 25. – С. 305–320. – DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018.

потребления и достижения технологического суверенитета данного государства. Однако, как отмечают эксперты, успех этих усилий будет зависеть от способности провести непростые структурные реформы.

Список источников и литературы

1. Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2020. – № 3 (3). – С. 235–241.
2. Гарбузарова Е.Г. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24. – С. 52–65. – DOI: 10.37178/ca-c.21.4.05.
3. Ельникова Ю.В. Российско-китайские отношения: достижения, проблемы и перспективы // Национальная безопасность. – 2025. – № 2. – С. 69–79.
4. Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – № 25. – С. 305–320. – DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018.
5. Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – № 27. – С. 268–283. – DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014.
6. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Международные отношения КНР. – 2023. – С. 88–99.
7. Парамонов В.В. Взаимоотношения государств Центральной Азии с Россией и Китаем: от теории к практике: монография. – Ташкент, 2023. – 280 с.
8. Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – № 6. – С. 112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.
9. Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 52–66. – DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66.
10. Рожкова З.П. Интересы РФ в Средней Азии // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 6. – С. 618–626.
11. Сафронова Е.И. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII: ежегодное издание. – Москва: ИКСА РАН, 2022. – 384 с.
12. Хейфец Б.А. Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики // Россия вчера, сегодня, завтра. – Москва: Проспект, 2023. – С. 83–89.